

Кто конкретно отвечает за судьбу беженцев? Иногда говорят: "Верховный комиссариат по делам беженцев". Думаю, это в корне неправильно. Почему нам надо все заботы о беженцах взваливать на плечи этой основной организации? Нет спору, помощь его огромна. Но и сами страны должны делать очень много, упорядочить все процедуры у себя таким образом, чтобы беженцы чувствовали заботу о них со стороны местных властей.

Возьмите для примера судьбу турок-месхетинцев. Их в свое время — в середине 40-х годов — депортировали из южных районов Грузии в Среднюю Азию. В конце 80-х годов они вернулись, просились в Грузию, на землю своих предков, но их туда не пустили. После мытарств основная масса их осела в России, а некоторую часть из них пустил к себе Азербайджан. А Грузия не пустила и молчит. Справедливо ли это? Думаю, нет. Нужно, чтобы страны, откуда были в свое время вывезены такие народы, оплачивали компенсацию за те страдания, которые испытывают эти люди. Как должна осуществляться такая компенсация? А так, чтобы люди могли нормально жить и трудиться. А то ведь что получается: доктора наук работают сторожами и уборщицами.

Проблема беженцев в наши дни приводит к одному очень серьезному заключению: нельзя насадить искусственно модель развития одного народа другому народу, какой бы хорошей с чьей-то точки зрения эта модель ни была.

Статья поступила в редакцию в ноябре 1997 г.

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

А.В. Трибунский*

Необходимость защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов

Во время вооруженных конфликтов больше всего зачастую страдают ни в чем не повинные лица, те, кто не принимает никакого участия в военных действиях, но вынужден нести на себе тяготы войны, виновниками и участниками которой являются дру-

*Выпускник международно-правового факультета МГИМО-У МИД РФ.

гие. Именно гражданскому населению всегда приходится дороже всего расплачиваться за амбиции политиков, ошибки правителей, честолюбие генералов и алчность тех, кто так или иначе наживается на войне. Так было всегда. Однако в современную эпоху уязвимость гражданского населения многократно увеличивается. Подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что "в отличие от войн прежних эпох, когда та или иная война могла отличаться степенью охвата ею гражданского населения, современная с неизбежностью вовлекает в свою орбиту весь народ воюющей стороны"¹.

Данные особенности современной войны, характеризуемой рядом ученых как *тотальная*², заключаются в ликвидации грани между комбатантами и гражданским населением в качестве объектов и субъектов войны и объясняются повышением роли экономического фактора в войне (выигрывает та сторона, которой удастся быстрее обескровить противника, что подразумевает нанесение ударов не только по военным объектам) и прогрессом военной техники (масштабы уничтожающего действия современного оружия затрудняют его выборочное применение). Результатом данных тенденций развития средств и методов ведения войны является тот факт, что главным злом современных вооруженных конфликтов является именно нанесение огромного ущерба гражданскому населению.

Таким образом, вопросы защиты гражданского населения во время войны являются одними из важнейших в настоящее время. И именно сейчас, когда по многим показателям человечество делает такие шаги вперед в сфере защиты прав и интересов каждого человека, на мире лежит ответственность за преодоление порочной практики нанесения неограниченного ущерба гражданскому населению.

История развития норм гуманитарного права в отношении гражданского населения

Примечательно, что вплоть до начала второй мировой войны нормы гуманитарного (в данном случае Женевского) права были направлены на защиту личного состава вооруженных сил, в то время как гражданское население в них фактически не упоминалось. Исключение составляют до сих пор не утратившие юридической силы Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 года, содержащая принципиально важное положение о недопустимости нападения воюющих сторон на мирное население, согласно которому "единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны,

состоит в ослаблении военных сил неприятеля”³, а также Гаагское положение 1907 года (приложение к VI Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.), в ст. 23, 28, 43—47 и 50—53 косвенно предоставляющее гражданским лицам некоторые гарантии⁴. Несмотря на эти исключения, войны XX века показали недостаточность подобных гарантий и необходимость детальной защиты прав гражданских лиц.

Возможное объяснение подобного недостатка внимания к проблемам защиты гражданского населения со стороны раннего Женевского права лежит в принятой начиная с эпохи Просвещения концепции права войны, согласно которой война должна быть ограничена исключительно военными действиями между вооруженными силами. Исходя из этого представления, преобладавшего в политической и правовой мысли до начала XX века, считалось, что только личный состав армий воюющих сторон подвергался опасностям, вытекающим из вооруженного конфликта, тогда как гражданскому населению практически ничего не угрожало⁵.

Две мировые войны (в особенности вторая, “подарившая” миру невиданные примеры геноцида) послужили достаточно веским доказательством прямо противоположного. Рост потерь среди гражданского населения свидетельствовал и свидетельствует о том, что к населению в условиях вооруженных конфликтов относятся безжалостно, а современные средства войны дают возможность в короткий срок умерщвлять многотысячные города. Эта тенденция, увы, не опровергнутая в течение нашего века, но, наоборот, подтвержденная последующими вооруженными конфликтами, была принята к сведению Женевским правом.

Самым существенным нововведением и самым значительным успехом состоявшейся вскоре после окончания второй мировой войны Женевской конференции 1949 года явилась VI Конвенция “О защите гражданского населения во время войны”. Данная Конвенция явилась первым в истории международным документом, посвященным непосредственно защите гражданского населения; в ней содержится детальное рассмотрение многих аспектов положения гражданского населения в условиях войны. По мнению авторов Красного Креста, Женевские конвенции 1949 года (и, в частности, IV Конвенция) “представляют собой юридический документ поистине исторического значения, который уже более сорока лет обеспечивает защиту бесчисленным жертвам вооруженных конфликтов”⁶. Тем не менее сам МККК уже в середине 60-х годов пришел к выводу, что в условиях современных конфликтов Конвенции не могут эффективно обеспечивать требуемую защиту их жертвам. Это было обусловлено как постоянно изменяющейся спецификой конфликтов, связанной с научно-техническим и политическим раз-

витием, так и наличием ряда ограничений в Женевских конвенциях.

Так появилась инициатива создания Дополнительных протоколов, целью которых являлась не замена существующих документов, но приведение их в соответствие с насущными требованиями гуманитарного права на современном этапе. Выдвинутая на XXI Конференции Красного Креста в Стамбуле в 1969 году инициатива потребовала для своего воплощения пяти лет подготовительных консультаций, организовывавшихся МККК на уровне правительств и обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Итогом работы стал созыв в 1974 году в Женеве Дипломатической конференции по подтверждению и развитию Международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов (ДКГП). В результате трех лет ее работы были приняты уже многократно упоминавшиеся Протоколы 1977 года.

В настоящий момент эти документы — IV Конвенция 1949 года и I и II Протоколы 1977 года — являются основными нормами, гарантирующими защиту гражданского населения в период вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера.

Содержание норм гуманитарного права в отношении защиты гражданского населения во время вооруженных конфликтов

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны устанавливает правила, которые должны применяться ее участниками в случае вооруженного конфликта или оккупации, причем даже в том случае, если наличие состояния войны не признано одной из воюющих сторон. Как справедливо отмечают авторы Красного Креста⁷, Конвенция, за исключением общих правил, предусматривает защиту гражданского населения от произвола со стороны противника или оккупирующей державы. В ней рассматриваются вопросы статуса гражданских лиц на территории воюющих сторон, в зонах оккупации, положение иностранцев на территории воюющих сторон и положение интернированных лиц. Стоит отметить, что в структуре и содержании Конвенции просматривается воздействие уроков второй мировой войны. Так, в частности, наиболее ее объемная часть (12 глав) посвящена правилам обращения с интернированными, учитывая соответствующий печальный опыт перемещения населения в концентрационные и трудовые лагеря в ходе войны.

Говоря об общих положениях Конвенции, следует привести некоторые из них, являющиеся принципиально важными и пред-

ставляющие особый интерес, такие как преодоление оговорок “si omnes” и первая в истории попытка регламентации немеждународных конфликтов.

Минимум норм, обязательных для соблюдения, независимо от характера конфликта, включает гуманное обращение без всякой дискриминации с лицами, не принимающими непосредственного участия в военных действиях, а также оказание помощи больным и раненым. В свою очередь, гуманное обращение подразумевает запрещение: а) посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всяких видов убийства, увечья, жестокого обращения, пыток и истязания; б) взятия заложников; в) посягательства на человеческое достоинство, оскорбительного и унижающего обращения; г) осуждения и применения наказания без предварительного судебного решения, вынесенного по всем правилам (ст. 3).

Более подробный перечень правил и запретов, распространяющийся преимущественно на лиц, непосредственно защищаемых данной Конвенцией (об этом будет подробно говориться ниже), причисляет к запрещенным мерам не только убийства, пытки, телесные наказания и медицинские и научные опыты, но и всякое другое насилие со стороны гражданских или военных властей воюющей стороны (ст. 32). Также запрещаются меры физического или морального принуждения, применяемые к покровительствуемым лицам с целью получения от них или от третьих лиц сведений, коллективные наказания, ограбление, репрессалии, меры запугивания или террора, взятие заложников, незаконное депортирование и угон и т.д. (ст. 31, 33, 34, 147).

Исключая всякую возможность давления и произвола в отношении гражданского населения, Конвенция устанавливает, что “покровительствуемые лица ни в коем случае не смогут отказываться, частично или полностью, от прав, которые им обеспечивает настоящая Конвенция и специальные соглашения”⁸ (ст. 8).

Говоря об этих правах, следует назвать права покровительствуемых лиц на жизнь и уважение к их личности, чести, семейным правам, религиозным убеждениям, а также привычкам и обрядам; этими правами они обладают при любых обстоятельствах. Любопытно, что среди видов негуманного обращения, от которого эти лица должны ограждаться, в Конвенции упоминается такой фактор, как “оскорбления и любопытство толпы” (ст. 27).

В Конвенции перечисляются категории гражданских лиц, считающихся наиболее уязвимыми, которые должны пользоваться особой защитой: раненые, больные, инвалиды, престарелые, дети, беременные женщины и роженицы, а также матери с малолетними детьми (ст. 14, 16, 17).

Особое внимание Конвенция уделяет судьбе детей (это является одним из важнейших нововведений, положившим начало существованию права детей в вооруженных конфликтах). Стороны обязываются “принимать необходимые меры, чтобы дети до 15 лет, осиротевшие или разлученные со своими семьями вследствие войны, не были предоставлены сами себе и чтобы облегчить при всех обстоятельствах их содержание, выполнение обязанностей, связанных с их религией, и их воспитание”⁹ (ст. 24). Такое же значение имеют положения об особой защите женщин, к примеру о защите от покушений на их честь и нравственность (ст. 27, 124). К числу этих важных новшеств относится и положение в отношении разрозненных войной семей, по которому стороны в конфликте должны облегчать и способствовать их воссоединению (ст. 26).

Принципиально важным является также положение, наделяющее правом неприкосновенности гражданские больницы воюющих сторон. Касавшееся ранее только армейских медико-санитарных служб право на уважение и защиту распространяется на невоенные лечебные заведения, оказывающие помощь раненым и больным из числа гражданских лиц. Эти больницы, а также их персонал и транспортные средства обозначаются эмблемой Красного Креста и пользуются соответствующим покровительством (ст. 18—22).

Обязанности по содействию применению Конвенции и оказанию помощи жертвам войны возлагаются как на воюющие стороны, так и на державы-покровительницы, институт которых вводится Конвенцией, а также на гуманитарные организации, в первую очередь МККК и национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца. В то время как покровительствуемые лица обладают правом практически в любых ситуациях обращаться к вышеназванным державам и организациям за помощью, последние располагают соответствующими, закрепленными в Конвенции полномочиями: воюющие стороны обязаны предоставлять этим организациям доступ в места нахождения покровительствуемых лиц, оказывать им наилучший прием, пропускать пересылаемые ими гуманитарные грузы и т.п. (ст. 11, 30, 59, 61, 142, 143 и др.).

Рассматривая вопросы оказания помощи жертвам войны, нельзя не отметить то внимание, которое уделяется возможностям гражданского населения в отношении исповедования и сохранения своих религиозных воззрений и традиций. Автору, как человеку, выросшему в условиях, когда религии не придавалось особого значения, это поначалу показалось необычным, однако суть в том, что во всех соответствующих положениях Конвенции обеспечению населения всем необходимым для осуществления религиозных обязанностей придается едва ли меньшее значение, чем обеспечению его продовольствием, медицинской помощью и проч.¹⁰

К прочим ключевым нормам относится такое важное положение, как утверждение, что сторона, во власти которой находятся покровительствуемые лица, ответственна за обращение своих представителей с покровительствуемыми лицами, что, в свою очередь, не снимает личной ответственности с рядовых исполнителей (ст. 29). Тезис о том, что гражданское население считается находящимся во власти воюющего государства, а не отдельных подразделений или лиц, служит предотвращению неконтролируемого произвола со стороны отдельных представителей воюющих сторон. Кроме того, стороны обязываются предусмотреть эффективное наказание лиц, ответственных за серьезные нарушения данной Конвенции [согласно принципу “aut dedere, aut punire” — “либо выдай, либо накажи”, соответствующие лица подлежат либо суду в своей стране, либо выдаче другой стороне в конфликте для суда (ст. 146—149)].

Наконец, стоит отметить положение о создании Центрального справочного агентства по делам покровительствуемых лиц в нейтральной стране и справочных бюро воюющих сторон, в чье ведение входят задачи по сбору и передаче заинтересованным лицам и семьям сведений о состоянии и местонахождении покровительствуемых лиц (ст. 136—141).

Являясь историческим документом, впервые юридически закрепившим необходимость защиты гражданского населения во время войны, IV Конвенция, тем не менее, содержит ряд существенных ограничений.

Прежде всего это относится к сфере действий ее положений: за исключением общих правил разд. II, которые касаются “*всего населения находящихся в конфликте стран*”¹¹, положения данной Конвенции ограничиваются защитой лиц, которые “в какой-либо момент и каким-либо образом находятся в случае конфликта или оккупации во власти стороны, находящейся в конфликте, или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются” (ст. 4)¹². Кроме того, Конвенция отказывает в защите довольно широкому кругу лиц: гражданам воюющего государства, гражданам нейтральных стран, имеющих нормальные дипломатические отношения с этим воюющим государством¹³.

Наконец, ни эта ни три другие Конвенции 1949 года не предусматривают общей защиты гражданского населения от последствий военных действий. Это последнее обстоятельство ряд авторов объясняет тем, что данные вопросы включены в ныне действующие положения Гагских конвенций 1907 года, применение которых стало уже традиционным¹⁴. Однако даже эти авторы признают необходимость развития и внести уточнения в существующее право вооруженных конфликтов.

Дополнительные протоколы 1977 года имели своей целью именно развитие и уточнение существующих норм, заполнение имев-

шихся пробелов. Действительно, ни один другой документ гуманитарного права не может сравниться с ними по детальности и охвату. Так, Протокол I, а точнее его часть IV, говорящая о статусе гражданского населения, устраняет первые два из упоминавшихся ограничений IV Конвенции: в ст. 50 говорится, что “гражданским лицом является *любое* лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий [комбатантов]” и что “гражданское население состоит из *всех* лиц, являющихся гражданскими лицами”¹⁵. Помимо этого, Протокол вносит уточнения касательно того, что в случае сомнения относительно гражданского статуса какого-либо лица действует презумпция гражданского статуса и присутствие среди гражданского населения отдельных негражданских лиц не лишает это население его гражданского характера¹⁶.

Подтверждая положения Конвенции 1949 года относительно общей защиты гражданского населения в период войны, Протокол одновременно конкретизирует и развивает эти нормы в отношении некоторых групп населения. Так, еще более определенное выражение получили положения об особой защите детей, женщин и семей (ст. 74, 76—78), а также гарантии в отношении беженцев и апатридов (ст. 73).

Вдобавок нормы, относящиеся к раненым, больным и лицам, потерпевшим кораблекрушение, ранее действовавшие только в отношении военнослужащих, в Протоколе I распространяются и на гражданских лиц (ст. 8а Протокола). Также расширено понятие “лица, потерпевшие кораблекрушение”: понятие “кораблекрушение” стало включать в себя и бедствия летательного аппарата (ст. 8 b). Таким образом, право на соответствующую защиту получил более широкий круг пострадавших.

Протокол ознаменован еще одним историческим новшеством: он распространяет некоторые гарантии в отношении тех категорий лиц, которые не подпадают под определение “гражданские лица” и не могут пользоваться защитой, предусмотренной в Конвенциях 1949 года: граждан нейтральных государств или государств, не связанных Конвенциями, а также шпионов и наемников. Этому посвящена знаменитая ст. 75, озаглавленная “Основные гарантии” и занимающая около трех страниц.

Компенсируя упущения IV Конвенции, защищающей гражданское население от злоупотребления властью, но не от неправильного применения силы в ходе вооруженных действий, Протокол I уделяет особое внимание регулированию средств и методов ведения войны. Запрещаются нападения неизбирательного характера, терроризирующие нападения и нападения в порядке применения репрессалий (во всех этих случаях запрещению в первую очередь подлежат бомбардировки, фактически неучтенные предыдущими

нормами в отношении методов и средств ведения войны, — ст. 51). Запрещается использовать голод среди гражданского населения как средство ведения войны. Запрещается нападать на объекты, жизненно важные для гражданского населения (резервуары питьевой воды, сельскохозяйственные угодья и т.п. — ст. 54), а также на объекты, содержащие опасные силы, высвобождение которых нанесло бы вред населению и окружающей среде (дамбы, плотины, атомные электростанции и др. — ст. 56). Запрещается также (в подтверждение соответствующей Конвенции 1954 г.) наносить ущерб объектам, представляющим собой религиозную или культурную ценность (ст. 53).

Специальные главы посвящены мерам предосторожности и регламентируют правила идентификации военных объектов, объектов, содержащих опасные силы, а также объектов гражданской обороны, с тем чтобы исключить возможность случайного нанесения ущерба гражданскому населению (гл. IV Протокола, гл. V и VI Приложения I к Протоколу).

Помимо существенного пополнения списка запрещенных действий в отношении гражданского населения и гражданских объектов (ст. 85) Протокол I вводит наказание за так называемое “непринятие мер” — преступное бездействие (ст. 86) и возлагает особую ответственность на военачальников (ст. 87).

Для проведения расследований по факту нарушения положений Конвенций и Протокола учреждается Международная комиссия по расследованию фактов, обладающая компетенцией в отношении: а) расследования фактов, предположительно представляющих собой серьезные нарушения, и б) “содействия путем оказания добрых услуг восстановлению уважительного отношения”¹⁷ к Конвенциям и Протоколу. Ключевым (и во многом связывающим Комиссии руки) является положение, в соответствии с которым Комиссия может начать свою деятельность в конкретном случае только тогда, когда обе стороны, включая ответчицу, признают соответствующую компетенцию Комиссии (ст. 90).

Преследуя цель устранения возможности сослаться на какое-нибудь несовершенство содержащихся в нем норм, Протокол предусматривает, что воюющие стороны “должны *всегда* проводить различие между гражданским населением и комбатантами”¹⁸ и что правила, предназначенные для защиты “от опасностей, возникающих в связи с военными операциями”¹⁹, подлежат применению в *любых* обстоятельствах, чтобы обеспечить защиту как всего гражданского населения, так и отдельных гражданских лиц. А на случай непредвиденных обстоятельств, в связи с которыми нельзя привести ни одного положения Конвенций, Протокол содержит благородный принцип, известный еще с Конвенций 1899 года как

уже упоминавшаяся “оговорка Мартенса”: “В случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания”²⁰ (ст. 1).

Таким образом, в ходе принятия Протоколов была проведена огромная работа по усовершенствованию гуманитарного права, однако рассмотрение этих достижений не будет полным, если не остановиться на еще одном шаге вперед, воплощенном в Протоколе II о защите жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Протокол II, точнее тот вариант, в котором он был принят, отражает степень новизны и сложности данной проблематики в международном праве. Став темой непримиримых дискуссий на ДКГП, Второй протокол не избежал существенного сокращения (из 39 статей первоначального проекта сохранились лишь 18), в результате которого многие, возможно важнейшие, новшества так и не были осуществлены. Разительно отличаясь от Протокола I по объему, Протокол II также отличается узостью сферы применения и наличием куда более общих, не конкретизированных и не столь обязывающих положений²¹. Поэтому, оценивая Протокол II как новый шаг в направлении распространения норм гуманитарного права на все виды вооруженных конфликтов, стоит отметить, что, делая этот шаг, человечество еще не стояло на достаточно твердых ногах. Тем не менее значение Протокола II, впервые сделавшего объектом международно-правовых норм то, что раньше являлось сферой бесконтрольной (как правило, карательной) деятельности отдельных суверенных государств или мятежных правительств²², огромно.

Определение сферы применения данного Протокола, о которой здесь уже многое было сказано, включает определение подпадающих под действие положений Протокола ситуаций и отдельных лиц. Затрагивая вооруженные конфликты, не регулируемые Конвенциями и Протоколом I (т.е. не относящиеся к борьбе наций за независимость от иностранного господства), Протокол II не применяется к случаям беспорядков, отдельных актов насилия и т.п., определяя их как не относящиеся к вооруженным конфликтам. Таким образом, вне сферы регулирования пока остается большое число ситуаций, когда гражданские лица объективно нуждаются в защите.

Определение покровительствуемых лиц фактически продолжает линию Протокола I, относя к ним всех лиц, затрагиваемых данным конфликтом, и запрещая какую-либо дискриминацию в их отношении.

Статья о невмешательстве, запрещающая всякое внешнее вмешательство в конфликт, имеет двойное значение. С одной стороны,

это положение необходимо для предотвращения лицемерного использования некоторыми державами жупела борьбы с тиранией для циничного ущемления суверенитета переживающих кризисные времена государств. С одной стороны, подобные оговорки могут способствовать оправданию многих злоупотреблений со стороны власти преобладающей стороны в конфликте.

Протокол предоставляет “всем лицам, не принимающим непосредственно участия или прекратившим принимать участие в военных действиях”²³, гарантии гуманного обращения. Перечень основных гарантий в целом воспроизводит ст. 3 Женевских конвенций 1949 года, добавляя указание на недопустимость таких действий, как коллективные наказания, акты терроризма, а также работорговля (здесь отчетливо ощущается ориентация положений данного Протокола на наименее развитые страны “третьего мира”).

Положение в отношении “лиц, чья свобода была ограничена”²⁴, а также раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, содержит в целом те же правила, что Протокол I; то же относится и к статусу медицинского и духовного персонала.

Что же касается непосредственно **прав гражданского населения**, то их перечень предстает здесь в весьма сжатом виде: все перечисление занимает 6 статей (по сравнению с 32 статьями Протокола I). Интересна вполне подходящая к предмету оговорка о том, что гражданские лица подлежат защите и не должны являться объектом нападения, “за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях”²⁵ (ст. 13). Не более одного положения запрещает принудительное перемещение (ст. 17); три особых положения защищают, соответственно, “объекты, необходимые для выживания гражданского населения”²⁶, установки и сооружения, содержащие опасные силы, а также культурные ценности и места отправления культа (ст. 14—16); общей нормы о защите гражданских объектов и окружающей среды в Протоколе не содержится. Общества помощи, включая организации Красного Креста и Красного Полумесяца, “могут предлагать услуги с целью выполнения своих традиционных функций в отношении жертв вооруженного конфликта”²⁷, причем любое их действие требует согласия соответствующей высокой договаривающейся стороны (ст. 18); таким образом, те участники ДКГП, которые опасались поглощения их суверенитета международными структурами, явно остались не в обиде, чего нельзя сказать о жертвах насилия, внутреннего геноцида и произвола.

Таково содержание Протокола о защите жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, определяемого многими обозревателями как “скромный”²⁸. Автору представляется, что появившееся в последние 5—10 лет обширнейшее проблемное поле

в данной области предопределяет большое будущее данной отрасли гуманитарного права вооруженных конфликтов.

¹ Полтораки А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. — М., Наука, 1976. — С. 17.

² Ibid. — С. 18.

³ Ibid. — С. 433.

⁴ См. Новый общий сборник соглашений. — 3-й выпуск. — Т. 3.

⁵ См., например, Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. — Кн. 1. — Гл. 4.

⁶ Бори Ф. Возникновение и развитие международного гуманитарного права. — МККК, 1994. — С. 10.

⁷ См. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — МККК, 1994; Бори Ф. Возникновение и развитие международного гуманитарного права.

⁸ Международное гуманитарное право в документах. — Московский независимый институт международного права. — 1996. — С. 269.

⁹ Ibid. — С. 275.

¹⁰ См. ст. 17, 23, 24, 38 IV Женевской конвенции.

¹¹ Международное гуманитарное право в документах. — С. 271.

¹² Ibid. — С. 267.

¹³ Ibid.

¹⁴ См. Основные положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. — МККК, 1994. — Гл. 4. — С. 35.

¹⁵ Международное гуманитарное право в документах. — С. 363.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. — С. 390.

¹⁸ Ibid. — Ст. 48. — С. 362.

¹⁹ Ibid. — Ст. 51. — С. 363.

²⁰ Ibid. — Ст. 1. — С. 335.

²¹ См. мнение по этому поводу Пикте Ж. (Развитие и принципы международного гуманитарного права. — Гл. II. — Ст. 5) и Нахлика С. (Краткий очерк международного гуманитарного права. — Гл. XIII).

²² Ж. Пикте считал, что неподконтрольность внутренних конфликтов международно-правовому регулированию только усугубляла их жестокий характер, всегда более ненавистнический, чем в случае с международными конфликтами (там же).

²³ Международное гуманитарное право в документах. — С. 409.

²⁴ Ibid. — С. 410.

²⁵ Ibid. — С. 414.

²⁶ Ibid. — С. 415; примечательно, что инициатором включения данной формулировки в текст документа был представитель Святого Престола.

²⁷ Ibid.

²⁸ См. Нахлик С.Е. Краткий очерк международного гуманитарного права. — Гл. XIII.

Статья получена редакцией в июне 1997 г.